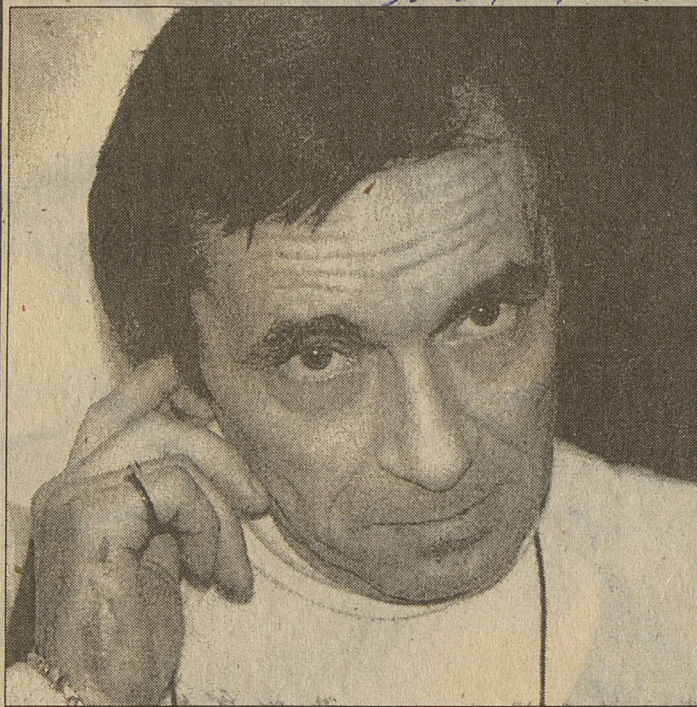

ТЕАТР НЕ ВЕЛИКИЙ, А ИНТЕРЕСНЫЙ

«Все равно Караяном я не буду», — считает художественный руководитель «Новой оперы» Евгений Колобов

Независимая газета, — 1998, 30 сент. — с. 7

Евгений Колобов.
Фото Артема Житенева (НГ-фото)

Михаил Малыхин

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, ваша версия «Бориса Годунова» («НГ», 23.09.98), как и нашумевший «Евгений Онегин», основывается на первой композиторской редакции?

— Когда мы ставили «Онегина», то с Аршибашевым и Бархиным продумали такую концепцию, в которой действительно многое было из первой редакции. Я ведь не знаю — может, не Чайковский Петр Ильич отказался, может, ему запретили. Мы ведь с вами не в курсе тех кулуарных историй. А печально известные «худсоветы» существовали еще в те времена. Они то и запретили предварительную редакцию «Бориса Годунова». Почему? Тогда один Направник из всей дирекции Императорского театра был «за». А если бы тогда поддержали этого дирижера — опера пошла бы в первоначальном виде. Для меня же эта редакция не предварительная — это то самое произведение, которое и хотел услышать Мусоргский.

— Почему к работе над оперными постановками вы привлекаете драматических режиссеров?

— Для того чтобы быть музыкальным режиссером, не обязательно иметь образование музыканта. Поэтому мне нравятся работы и Петра Фоменко, и Сергея Аршибашева: с Александром Сокуровым мы собираемся поставить «Гамлета» Тома — эта музыка, кстати, никогда в России не звучала. У Сокурова фильмы музыкальнейшие, с колоссальной драматургией. Я, может быть, до нее еще не дорос, но слышу: музыка в ней звучит! «Слушал» спектакль Питера Брука «Вишневый сад»: ни одной музыкальной ноты — но музыкальное искусство интимно — оно ведь воздействует на каждого человека индивидуально. И опера — совсем не значит, что надо три часа бряцать ноты громко. Я вообще шума не люблю — в тишине все рождается. «Нет лучше музыки, чем тишина», — говорил Мандельштам (в философском смысле, разумеется). Я понимаю под этим не помпезную тишину — фанфаронство, а тишину глубокую. Кузнечик вон стрекочет — для меня это тоже музыка.

— Кстати, о кузнечиках. Современные композиторы часто прибегают к подобного рода театральным эффектам?

— Современную музыку, честно говоря, слушаю мало — не хватает времени. Наверное, есть и интересная, и гениальная современная музыка. И джаз есть гениальный, и эстрада. Через это я тоже проходил. Когда с 17 до 22 лет учился в Свердловской консерватории, пел эстрадные песни под аккомпанемент небольшого симфонического оркестра. Тогда ведь не было такой техники, как сегодня, — концерты транслировали в прямом эфире по местному телевидению, а с фонограммой работали только на радио. Что же до композиторов, то не подразделяю их на «современных» и «не современных». Важно, чтобы композитор был личностью. И если он даже швейную машинку в своей музыке использует, но использует талантливо и по делу, то это и есть настоящая музыка. Но здесь важно, чтобы это было в контексте спектакля. Меня же не шокирует, если Гамлет у Бергмана выходит в черных очках и в черном плаще, просто потрясающий эффект!

— Можно ли назвать ваш театр «авторским»?

— Нет. Мы работаем всегда в команде. Но мне очень нравится фраза Эфроса: «Я мечтаю, чтобы в мой театр приходили не на Чехова, а на то, как я и мои актеры понимаем Чехова». Хочу, чтобы в этот театр приходили понять, как мы слышим — убого или гениально, одному Богу известно. Наш театр называется «Новая опера» — это не значит быть принципиально непохо-

жим на Большой и Мариинский. Я хочу, чтобы наш театр был не великим — важно, чтобы он был интересным! А великие театры у нас уже есть. Что же до главных в театре — у нас все главное. Ведь если кто-то выпадает — спектакль, естественно, не получится. Не может в спектакле хорошим быть оркестр, а солисты плохие — спектакля не будет. Или оркестр и солисты хорошие — художник плохой — спектакля нет! Поэтому я считаю, что за 400-летнюю историю оперы удачных совпадений было немного. Когда Россини в письме писал: «Завтра премьера — у меня еще не готова увертюра!» и делает увертюру эту за ночь, могу себе представить, какую халтуру играл оркестр на следующий день. Ведь это не только разучить — переписать для каждого нужно было, да и не современными легкими авторучками, а перьями. А мы говорим — «классик». Нормальные живые люди были, зачем же мы из них гербарий какой-то засушенный делаем? И Моцарт живой был — у него наряду с гениальными произведениями есть вполне обычные. Нередко ведь писал на заказ — чтобы свести концы с концами.

— Но почему же классика так жизнеспособна?

— Потому что в каждом произведении каждый слышит свое — это ведь прекрасно. Для меня интерпретация — как перевод поэзии с иностранного языка. Дирижеры и постановщики — это переводчики. «Бориса Годунова» можно двадцать лет репетировать, и каждый раз он будет звучать по-новому — там можно где-то подчеркнуть трагизм, а где-то «поднять» больше светлые куски. Поэтому мне непонятно, как возможно выпустить спектакль за пять дней или за десять. Мне предложили как-то во Франции. Я спросил не «сколько заплатите», а: «Сколько времени на постановку? Десять дней? Спасибо за внимание!» Не могу за десять. Приеду — а там у них уже все выучено, даже темп свой. Это не мое! Я ведь не официант. Дирижер должен вести оркестр, как поводырь: или в канаву, или к светлому будущему.

— Репертуар вашего театра останется исключительно оперным или найдется место и для балета?

— Во всех зарубежных театрах опера не идет подряд — семь дней в неделю. Иначе получится конвейер. Да и музыканты — не роботы играть все время одно и то же. Артисты должны жить на сцене, а не просто — отбить ноты и уйти. Поэтому, кроме оперы, мы планируем открыть абонемент симфонических концертов, будем приглашать специально российских дирижеров. Сегодня уже достигнуты договоренности с Арнольдом Кацем. Что же до балета, то специально этим заниматься не будем — для Москвы, думаю, балета уже достаточно и без нас. Если же будет потребность — пригласим (в операх ведь тоже есть балетные номера). Я сам к балету отношусь нормально. Помню, на гастролях Кировского театра в Париже пришлось дирижировать «Лебединым» раз пятьдесят подряд — после этого возненавидел эту му-

зыку. Но мне нравятся постановки Килиана. Есть потрясающие постановки и русских хореографов. Опять же: для меня интересно, если вижу в балете драматургию. Слава Богу — не всех талантливых людей у нас угробили. С ними мы будем работать, опять же, если они сами захотят. Быть может, создадим какой-нибудь совместный проект с Борисом Эйфманом... Сейчас работы много — на все сил не хватает. Мне бы этот театр лет десять назад, когда я — сорокалетний — только приехал в Москву. Работал тогда как проклятый. Целыми днями репетировал, а ночью снимал с пластинки «Марию Стюарт» — по слуху писал партитуру.

— Ваша супруга музыкант, как и вы. Она работает в вашем театре?

— Мы с ней вот уже 22 года работаем вместе. Она была главным хормейстером в Свердловском театре, потом — хормейстером в Кировском, потом — в Театре Станиславского. Здесь нет семейственности — она специалист высочайшего класса.

— А дочь пошла по вашим стопам?

— К счастью, нет. Она училась музыке — потом не понравилось. А сын — вообще врач. Это их право. Они решали — я не заставлял. Не важно, какая профессия у них, важнее, чтобы они были хорошими людьми. Это их жизнь — не дай Бог, посоветуешь, когда и за кого выходить замуж или жениться, — будешь всю жизнь себя потом казнить. Жизнь всему учит людей.

— Складывается ощущение, что кроме театра у вас в жизни больше ничего нет. И все же есть ли какое-нибудь хобби? У вас ведь огромная библиотека дома?

— Да, книги покупаю каждый день, как алкоголик. Вижу, что не прочитать, а все равно хочется. Ведь классика — и та была урезана нашими «великими умами». А сколько наших российских писателей, которых не убили — слава Богу, — но выстали. Лишь сейчас возвращаются книги Алданова, Набокова, Бориса Зайцева... Все это тоже помогает в работе. Что толку мне слушать, как дирижировал Караян, — все равно Караяном не буду. А музыке мне поможет раскрыть стих Пастернака или посещение выставки — все это ведь откладывается в подкорке. Я должен все время работать — просто нет другого выхода. В театре — с утра до ночи. А дома ведь тоже необходимо заниматься — готовиться к репетициям. Нужно не придумать, а суметь услышать спектакль — не будем ведь на репетициях вещать лапшу на уши. Отдыхать приходится редко, хотя есть у меня под Наро-Фоминском заветные шесть соток. На море мне нельзя — да и вообще лес больше нравится. Я ведь в Ленинграде родился и вырос. Меня Капри и Ямайка не волнуют — когда в молодости волновало, не пускали никуда. А сейчас — хотел бы уехать на дачу. Ходить там, смотреть, слушать музыку. Радио люблю слушать: радиоспектакли, передачи об известных писателях — это ведь тоже высокий класс режиссуры, когда только слышишь — и уже представляешь и лица героев, и декорации, и атмосферу. У Алексея Баталова — потрясающие радиоспектакли.

— Вы часто поминаете Бога. Вы верующий?

— Про Бога? Украли у нас Бога. Мы все — атеисты. Ведь, как и все, я учился в школе. Мой папа — военный. Сами понимаете — никаких разговоров в семье об этом не было. Узнали бы — его сразу уволили бы. Время было такое. Тем не менее меня крестили. Но вера должна входить с молоком матери. Прочитать Библию — мало. Если я буду бить себя кулаком в грудь и кричать: «Я верующий», — это будет неправдой. Часто думаю о храме Христа Спасителя. Как же могли такую красоту разрушить? Рад, что в возрождении этого храма есть и моя маленькая лепта... Наверное, Бог есть. Но я скорее фаталист. Думаю, каждому предопределена его судьба. Не случайно Пушкин пошел на дуэль — к тому времени он как комета сгорел. А Лермонтову — 27 лет было... Одни живут долго — другие сгорают быстро. По поводу веры — ведь живет она не столетиями даже, а тысячелетиями. Правду узнаю, может быть, на том свете. Ведь оттуда никто не возвращался, не рассказывал. Может, у них там такие же заморочки, как у нас? ■

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

По окончании Уральской консерватории Евгений Колобов работал в лучших оперных театрах России — Екатеринбургском, Мариинском, Музыкальном театре имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко в Москве.

В 1991 году Колобов создает и возглавляет Московский муниципальный театр «Новая опера». Ему принадлежит ряд первых постановок в нашей стране опер: «Пират» Беллини, «Мария Стюарт» Доницетти, «Валли» Каталани.

Он работал с лучшими отечественными оркестрами — Большого и Мариинского театров, Петербургской филармонии, а также дирижировал в США (Нью-Йорк, Чикаго и Сан-Франциско), Канаде (Банкувер), Париже, Токио, Испании, Португалии, Италии, Словакии, Югославии. Памятным событием стало исполнение 13-й симфонии Шостаковича и постановка оперы «Борис Годунов» на фестивале «Флорентийский музыкальный май» с Руджеро Раймонди в роли Бориса.

Евгений Колобов — лауреат премий «Триумф», «Золотая маска» и премии мэрии Москвы в области культуры.

236